

Сяо Сянцзы неплохо владел искусством растирания туши — делал это быстро и мелко.

Чу Цзюбянь подошел к столу и сел.

Раз уж цель — прославиться, то стихи, естественно, должны быть изумительными. К тому же в нынешней династии Нин литераторы дорожили славой больше жизни.

Поэтому, чтобы заставить их уважать себя, стихи Чу Цзюбяня не должны быть слишком приземленными, наоборот, нужно было показать твердость духа литератора, его возвышенность и стойкость. В общем, чем более утонченными, тем лучше.

Сяо Сянцзы прислуживал сбоку и, видя, что Чу Цзюбянь, кажется, погрузился в свои мысли, не стал мешать, лишь незаметно подал знак двум служанкам, стоявшим неподалеку.

Служанок звали Шуй Цин и Шуй Юнь, они много лет знали Сяо Сянцзы, поэтому одного его взгляда им было достаточно, чтобы понять: он просит приготовить для господина чай и закуски.

Они бесшумно вышли за дверь.

Чу Цзюбянь заметил их взаимодействие, но не придал значения.

Наконец, спустя полминуты, он решил, что именно написать. Выбор пал на стихи того самого, чье имя звучало бы более внушительно.

Приняв решение, он больше не колебался, снова обмакнул кисть в тушь и начал писать.

На грубом, пожелтевшем листе бумаги медленно проступали несколько строк, написанных сильными, резкими иероглифами:

[Моему другу, творение Бессмертного поэта Ли Бо.]

[Золотой кубок с чистым вином стоит десять тысяч монет, яства на нефритовом блюде — десять тысяч...]

Взгляд Сяо Сянцзы упал на бумагу. Сначала ему просто было любопытно, что напишет Чу Цзюбянь, он думал запомнить содержание, чтобы потом доложить наставнику.

Но, увидев резкие, летящие иероглифы Чу Цзюбяня, он невольно восхитился в душе: такой почерк мог сравниться разве что с почерком самого господина Нин-вана.

А когда он вчитался в содержание, его круглые глаза широко раскрылись, и он невольно подался ближе.

«...Хочу переправиться через Хуанхэ — она скована льдом, хочу взойти на Тайхан — горы занесло снегом», — тихо прошептал он, и перед его мысленным взором июньская жара сменилась ледяной зимой.

==

Императорский дворец, Цынингун (Дворец Милосердия и Спокойствия).

На широком тахте (лежанке для знати) полулежала, закрыв глаза, величественная и изящная женщина лет сорока. На ней было легкое золотистое дворцовое платье, длинные волосы убраны в простой пучок, украшенный изящными золотыми шпильками.

На маленьком столике рядом стояла небольшая миска с чистым льдом, который уже немного подтаял.

Служанка, сидя на коленях перед столиком, ритмично обмахивала опахалом, направляя прохладу вперед.

Пожилая фрейлина госпожа Лю в темном платье, держа в руке письмо, медленно вошла снаружи и, дойдя до тахты, остановилась, тихо позвала: «Госпожа, из дома снова прислали немного льда. Я уже велела отнести его князю (вану)».

Женщина, к которой обратились, медленно открыла глаза.

Госпожа Лю протянула руку, помогая ей сесть. Маленькая служанка тут же поднесла чай, и фрейлина помогла госпоже прополоскать рот.

Когда сонливость женщины немного рассеялась, госпожа Лю протянула ей письмо: «Это прислали из дома, взгляните».

Женщина взяла письмо и усмехнулась: «За день три раза прислали лед — видно, опять что-то нужно от меня».

Госпожа Лю улыбнулась: «Дома беспокоятся о вас и о князе. К тому же только наш клан Сяо может каждый день пользоваться льдом. Я слышала, что в Янсиньдяне только в главном зале могут ненадолго ставить лед, да и то редко. Маленький государь от жары даже ночью плачет».

В глазах Великой вдовствующей императрицы Сяо Жохань мелькнуло удовлетворение, и она наконец развернула письмо.

Несколько коротких строк касались лишь того, что произошло сегодня на утреннем приеме.

Заместитель министра Сяо (Сяо Вэньдао) поднял вопрос о строительстве дамб, заставив Цинь Сяо искать способ пополнить казну. Также в письме говорилось, что, если Цинь Сяо действительно добудет деньги и передаст их Министерству работ на ремонт дамб, тогда, возможно, представится случай отправить Цзяньнань-вана (князя) набраться опыта и завоевать народную любовь.

В самом конце письма упоминался тот незнакомец, появившийся вчера во время церемонии восшествия на престол.

Он не был убийцей, посланным кланом Сяо, но и к другим силам, судя по проверке, тоже не принадлежал. Клан Сяо не смог найти ни малейшей зацепки о его личности.

Создавалось впечатление, что он действительно появился из ниоткуда.

Сяо Жохань сложила письмо и передала госпоже Лю. Та также прочла его и спрятала в рукав.

Нахмурившись, госпожа Лю взглянула на Сяо Жохань и спросила: «Госпожа, я слышала, что этот человек умеет предсказывать погоду и называет себя божеством. А теперь еще и домашние не могут установить его личность. Может быть...»

Сяо Жохань покосилась на нее и усмехнулась: «Слухи во дворце всегда распускают и направляют те, кому это выгодно. Как ты можешь им верить?»

«Простите мою глупость». Госпожа Лю тоже расслабилась. «Но наши люди только что доложили, что Нин-ван отправил этого человека в Яотайцзюй. Я боялась, что в нем действительно есть что-то необычное и он станет лишней поддержкой для Нин-вана. Но сейчас, видимо, Нин-ван сделал это намеренно».

«Цинь Сяо никогда ничего не делает без пользы, — взгляд Сяо Жохань стал холодным. — Какие-то там боги и духи — не более чем попытка припугнуть разные силы».

Возможно, тот мужчина и есть самозванец, которого Цинь Сяо нарочно заставил спуститься с небес во время церемонии восшествия, назваться божеством, а потом поставит его рядом с собой, чтобы создать иллюзию, будто статус маленького императора Байли Хуна признан богами.

Темный, невежественный народ, глядишь, и поверит.

Госпожа Лю поняла и понизила голос: «Может быть, Нин-ван и сам знает, что маленький император занял трон нечестно, вот и совесть неспокойна».

Взгляд Сяо Жохань устремился вдаль, она невольно вспомнила прошлое.

Когда она была императрицей, тот старый Чэнцзун (посмертный титул императора) предавался разгулу, гарем был полон наложниц, они рожали одного сына за другим.

Сам Чэнцзун был никчемным, но сыновья рождались один лучше другого.

Это привело к тому, что, когда принцы выросли, борьба за наследство стала неизбежной.

У Сяо Жохань не было своих детей. К счастью, она действовала осторожно и, опираясь на силу кланов Сяо и Цинь, возвела на трон Инцзуна, который хоть и не был кровью от крови клана Сяо, но был для нее наиболее выгоден, и спокойно стала вдовствующей императрицей.

Только вот у клана Цинь было триста тысяч войска. В борьбе за трон они были острым мечом, а после того, как их ставленник взошел на престол, стали самой большой угрозой для Сяо Жохань и всего клана Сяо.

Пока существовал клан Цинь, клан Сяо не мог полностью контролировать Инцзуна.

К счастью, Инцзун был близок с Сяо Жохань, поэтому после ее неоднократных подстрекательств между ним и покойной императрицей Цинь Фэн возникли разногласия, и клан Цинь стал для него главной угрозой.

Естественно, со временем любой может измениться, тем более тот, кто сидит на троне.

Инцзун тоже изменился — он стал еще более подозрительным.

Он опасался военной мощи клана Цинь, боялся и других крупных кланов, и удельных князей. Хотя он был благодарен Сяо Жохань за заботу о нем и его матери в детстве, клану Сяо он тоже не доверял полностью.

Он стал одинок, пытался балансировать между этими силами, но способностей не хватило, результат оставлял желать лучшего.

Чужаки — не родня, одной душой с тобой не будут.

Сяо Жохань и не рассчитывала, что Инцзун обеспечит ей старость. Поэтому она взяла к себе старшего принца Байли Хая, рожденного от женщины из клана Сяо и самого Инцзуна.

Она думала, что когда Байли Хай подрастет еще немного, а силы клана Цинь немного ослабнут, она найдет способ убрать Инцзуна и возвести на трон Байли Хая, в жилах которого

течет кровь клана Сяо.

Но в этом мире умна не одна Сяо Жохань. Цинь Фэн, та женщина, была явно умнее и отчаяннее.

Она давно знала, что Инцзун хочет получить военную мощь клана Цинь, но все это время притворялась невинной и безобидной, постоянно ссорилась с Дуань-фэй и другими, изображая влюбленную дурочку, чтобы усыпить бдительность императора.

Между Инцзуном и ней действительно были чувства, поэтому под натиском ее нежности он смягчился.

И вот, у Цинь Фэн наконец появилась возможность родить пятого принца Байли Хуна, принца, в котором текла кровь клана Цинь.

К тому времени старшему принцу Байли Хаю, воспитывавшемуся у Сяо Жохань, было уже тринадцать лет. Чтобы успокоить клан Сяо, Инцзун даровал Байли Хаю титул князя (вана).

Только эти меры не могли успокоить ни клан Сяо, ни других.

С момента рождения принца с кровью клана Цинь все силы пришли в движение.

Все знали — близится буря.

Но в те времена молва и репутация ценились превыше всего, любое дело требовало «законного повода». Поэтому никто не хотел быть застрельщиком, все ждали подходящего момента. И ждали три года.

И вот, когда пятому принцу Байли Хуну исполнилось три года, когда все силы были напряжены до предела, как тетива лука, грянула беда!

Тридцатилетний Инцзун и императрица Цинь Фэн были убиты в своей опочивальне. Оба скончались.

Почти одновременно с тем, как силы получили это известие, Императорская гвардия, сформированная из бывшей Армии Цинь, окружила Императорский дворец, переловив одну партию «убийц» за другой, не оставляя никого в живых.

Кровь перед воротами Шэньумэнь текла три дня и три ночи.

Затем Цинь Сяо, держа в руках окровавленный императорский указ о наследнике (тайцзы

чжаошу), предстал перед чиновниками, утвердив законный статус Байли Хуна и возведя его на трон.

Чиновники, естественно, не поверили, но, один за другим изучив документ, признали, что иероглифы действительно написаны самим Инцзуном и скреплены императорской печатью.

Все знали, что здесь что-то нечисто, но доказательств не было.

Осведомители и лазутчики, которых разные силы держали во дворце, возможно, что-то и знали, но Цинь Сяо перебил их как «убийц» — мертвые не свидетельствуют.

Сяо Жохань все было ясно как день. Другие, возможно, не знали Цинь Фэн, но она, боровшаяся с ней много лет, отлично понимала методы этой женщины.

Она была уверена: убийство Инцзуна — дело рук самой Цинь Фэн, никаких убийц не было.

Но Цинь Фэн тоже погибла, и это не давало оснований для обвинений. Ведь прямые наследники клана Цинь почти все погибли в боях, остались только эти двое — Цинь Фэн и Цинь Сяо.

А о том, как сильно Цинь Сяо любил и оберегал свою сестру, мог рассказать любой прохожий на улице.

Поэтому, даже если бы другие распространяли слухи, что Цинь Фэн и Цинь Сяо вместе убили императора, мало кто бы поверил.

Все считали, что Цинь Сяо ни за что не даст погибнуть своей единственной кровной родственнице. Ведь даже когда Цинь Фэн просто подвернула ногу, Цинь Сяо мог устроить скандал Инцзуну. Как же он мог допустить, чтобы она умерла такой ужасной смертью?

В этом и заключалась гениальность Цинь Фэн. Возможно, она вообще не говорила Цинь Сяо, что умрет.

А у Цинь Сяо и клана Цинь, по сути, была возможность защитить ее, но тогда клан Цинь стал бы клеймен как честолюбцы, стремящиеся к власти.

Но, по сравнению с жизнью Цинь Фэн, Цинь Сяо, как глава клана, мог бы, конечно, пожертвовать этими так называемыми репутацией и моральными принципами.

Но как только репутация будет испорчена, ученые мужи своими плевками затопят клан Цинь, а боевые заслуги и авторитет, накопленные за годы защиты границ, будут уничтожены.

Поэтому Цинь Фэн умерла.

Эта любимица клана Цинь, старшая дочь, своей смертью, жуткой раной на горле, сохранила славу клана Цинь. Своей кровью она вымостила сыну дорогу к трону.

А теперь тот, казалось бы, избалованный кланом Цинь старший сын Цинь Сяо за одну ночь словно превратился в другого человека — из никчемного повесы вырос в того самого глубокого и хитрого сановника.

В отличие от других, считавших, что он «повзрослел за одну ночь», Сяо Жохань была уверена, что Цинь Сяо всегда был таким, а его прежнее поведение было лишь маской. Иначе Цинь Фэн не посмела бы умереть так решительно.

«Клан Цинь...» — лицо Сяо Жохань стало суровым.

С ними действительно трудно справиться.

Видя, что госпожа расстроена, госпожа Лю поспешила сменить тему на более приятную: «Госпожа, если дело с ремонтом дамб удастся, наш князь разве не завоеует народную любовь?»

Напряженные нервы Сяо Жохань немного расслабились.

Она подняла руку, и госпожа Лю тут же помогла ей встать.

Они медленно ходили по комнате, и настроение Сяо Жохань улучшилось: «В прошлые годы деньги на строительство дамб до мест просто не доходили. Если в этом году Ахай (князь) поедет и дамбы построят, разве народ не будет ему благодарен?»

«Конечно, наш князь и так лучше всех».

Сяо Жохань усмехнулась: «Мальчик он хороший, да слишком добрый. Вели вечером приготовить его любимые блюда, мне нужно еще научить его, как себя вести, а то в провинции его обидят».

«Слушаюсь».

Они вышли на крыльцо и посмотрели на небо.

После дождя солнце палило нещадно, было душно.

Белый голубь, несмотря на жару, пролетел над улицами Императорского города и, хлопая

крыльями, влетел в высокие ворота богатой усадьбы.

Слуга протянул руку, взял голубя, достал записку, привязанную к лапке, передал голубя другим, чтобы те покормили, а сам быстро направился в кабинет.

В кабинете министр финансов (Хубу Шаншу) Су Шэн держал в руке черную фишку и, нахмурившись, поставил ее на доску для игры в го.

Напротив него советник Фань Хэ, в легкой черной одежде, поглаживая левой рукой бороду, правой поставил белую фишку, а затем, улыбнувшись, взял чай.

Су Шэн некоторое время смотрел на доску, затем покачал головой и рассмеялся: «Господин советник снова превзошел меня в мастерстве».

«Вы тоже, господин», — многозначительно ответил Фань Хэ.

Су Шэн встретил его взгляд и невольно рассмеялся в голос.

В это время за дверью раздался голос слуги, докладывающего о своем приходе.

«Войди».

Слуга, согнувшись, вошел, передал Су Шэну записку и снова вышел.

Су Шэн быстро прочитал написанное и передал записку Фань Хэ.

Тот прочел и убрал записку в рукав.

«Господин и князь с каждым днем действуют все слаженнее», — сказал он.

«Похоже, строительство дамб неизбежно достанется Цзяньнань-вану, — Су Шэн отпил чай и многозначительно произнес: — Это ведь великое дело на благо народа, непременно принесет добрую славу».

«Будем надеяться», — улыбнулся Фань Хэ и снова спросил: — «Кстати, господин, вы слышали о вчерашнем происшествии с тем мужчиной?»

«Вы имеете в виду того, кто предсказал дождь?»

«Именно».

«А что с ним?» — Су Шэну стало любопытно.

Будучи сановником первого ранга, он вчера стоял ближе всех к Цинь Сяо и остальным, поэтому собственными ушами слышал, как тот странный мужчина предсказал время дождя.

Тогда он тоже взглянул на небо — солнечно, почти безоблачно, дождя быть не могло.

Поэтому, когда потом, в зале Фэнтяньдянь, он увидел, что дождь пришел точно в срок, он с трудом скрыл свое потрясение.

В глазах Фань Хэ блеснул огонек: «Этот человек снова предсказал время, когда дождь прекратится. Ни секунды не ошибся».

Сердце Су Шэна на миг замерло: «Правда?»

«Сущая правда».

Су Шэн тут же понимающе кивнул: «Неудивительно, что Цинь Сяо пригласил его в Яотайцзюй — он разглядел в нем необычное».

Фань Хэ, поглаживая бороду, возразил: «Я бы не сказал».

Су Шэн поспешно спросил: «Что вы имеете в виду?»

Фань Хэ: «Цинь Сяо не верит ни в небо, ни в землю, только в себя. Он выпустил этого человека и с помпой отправил в Яотайцзюй, по пути, кажется, нарочно старался, чтобы об этом узнали все».

«Вы хотите сказать, что Цинь Сяо сделал это намеренно, используя этого человека как приманку?»

«Верно. Если тот мужчина действительно умеет предсказывать погоду, возможно, у него есть и другие способности, — серьезно произнес Фань Хэ. — Такой человек — слишком заманчивая цель».

«Если так, то стоит ли нам посылать людей для контакта с этим мужчиной?»

С тех пор как Цинь Сяо три дня и три ночи истреблял «убийц», тайные агенты, засланные во дворец разными силами, понесли тяжелые потери. Оставшиеся — это те, кто был скрыт особенно глубоко.

Сейчас Императорская гвардия держит оборону дворца намертво, посторонним внедрить туда новых людей слишком сложно.

Поэтому сейчас, если разные силы захотят связаться с тем мужчиной, им придется задействовать тайные, глубоко законспирированные каналы, и тогда есть риск, что Цинь Сяо их раскроет.

Цинь Сяо, похоже, решил окончательно вычистить всех осведомителей разных сил, оставшихся во дворце.

Фань Хэ, нахмурившись, некоторое время размышлял, затем сказал: «Пока подождем».

Посмотрим сначала, как отреагируют другие.

==

«Никакой реакции?» — Ань Уцзи с удивлением посмотрел на сидящего рядом человека.

Цинь Чаоян кивнул: «Совершенно никакой. Все они очень осторожны».

Ань Уцзи перевел взгляд на мужчину на главном месте.

Цинь Сяо сидел в широком кресле в кабинете, в правой руке держал платок, в который был завернут кусок селитры размером с ладонь.

На его лице не отразилось ни тени удивления, словно он ожидал этого.

«Господин, — Ань Уцзи был нетерпелив, нахмурился, — если они не будут действовать, как мы выявим тех тайных агентов?»

Цинь Сяо равнодушно произнес: «Я и не рассчитывал, что они так быстро клюнут».

Только лишь дважды правильно предсказав погоду, Чу Цзюбянь еще не доказал, что у него действительно есть способности. Эти люди не станут так рисковать.

«Тогда что нам делать?» — спросил Ань Уцзи.

«Естественно, увеличить ставки». Цинь Сяо посмотрел на селитру в своей руке.

Он не знал, зачем Чу Цзюбяню понадобилась селитра, но видел, что у того действительно есть

способности, отличающие его от обычных людей. Возможно, с помощью этой селитры он сможет сотворить еще одно «чудо».

Конечно, использовать Чу Цзюбяня как приманку для выявления тайных агентов было лишь сиюминутной идеей. Если не выйдет — значит, не судьба, он найдет другой способ.

За дверью кабинета внезапно раздался голос евнуха: «Господин, евнух из Яотайцзюй просит аудиенции по важному делу».

«Впусти». — сказал Цинь Сяо.

Вскоре в зал вошла служанка Шуй Юнь, согнувшись в поклоне.

Цинь Сяо отложил то, что держал в руках, и спросил: «В чем дело?»

«Докладываю господину, господин (Чу Цзюбянь) сочинил два стихотворения и сказал, что они написаны его друзьями из небесной обители — Бессмертным поэтом Ли Бо и Отшельником Иань (Иань цзюйши) Ли Цинчжао. Евнух Сянцзы велел мне передать их господину».

«Стихи?» — с любопытством спросил Ань Уцзи. «И написанные Бессмертным поэтом и Отшельником? Быстро читай».

<http://bllate.org/book/17024/1584020>